

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Владимир Славущев

**В Москве
такого не бывает**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ВЛАДИМИР СЛАВУЩЕВ

В МОСКВЕ ТАКОГО НЕ БЫВАЕТ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Владимир Славущев родился в 1969 году и вырос в подмосковной Коломне. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. В настоящее время работает в одном из московских издательств. Настоящий сборник — его первая публикация.

*Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru*

- © Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
- © Терра—Книжный клуб, 2008

ЭТИХ ПОМЫТЬ ИЛИ?..

Посвящается С. М. Ю.

— Да суббота сегодня... Или воскресенье. Видишь — Генка дома. — Разговор доносился через открытый балкон.

Генка Вековищев, личный шофер, оказавшийся после развода на выселках — на подмосковном полустанке, — усмехнулся, услышав эти слова, лежа в постели, и проснулся окончательно. Проснулся он радостный, как всегда в последнее время, и еще сильнее обрадовался, вспомнив, что у него сегодня свидание с Наташкой — его бывшей соседкой. Генка встал, потянулся, включил телевизор и вышел на балкон.

Оглядевшись с балкона, он обрадовался в высочайшей степени, потому что утро было райское. Лес здесь подступал к самой железной дороге, свежесть наполняла воздух, птицы радовались вместе с Генкой, к тому же новизна нового жилища еще не притупилась.

— Геннадий Александрычу! — раздалось снизу знакомым голосом.

— Тем же концом... — Генка сплюнул и посмотрел вдаль.

— Утро-то, утро!..

— Знаем, проходили: «Погодка шепчет: “Займи, но выжри!”».

Теперь сплюнули вниз, и Генка, не дожидаясь продолжения, пошел готовить завтрак. «Где же они деньги берут? Все ведь, кажется, пропили... Лес, до города три километра! И все ведь как я — тридцать-сорок лет, и никто не работает, гады!»

Чайник закипал, яичница шкворчала, по телевизору выступал президент, обещая по двести пятьдесят тысяч за второго и всех последующих детей.

— Раньше надо было обещать, — сказал ему Генка. — Мы теперь и без детей — с нашим удовольствием. Хотя... — Он вспомнил Наташку и улыбнулся.

И тут раздался звонок и дверь. Генка бросил улыбаться и пошел открывать: двое сегодняшних собеседников в полумраке подъезда что-то протягивали через порог.

— Ген, купи. Почти новый. Гальяк неделю назад привезла...

— Что это?

— Плед, почти новый. Гальяк...

— Краденый. Пошли вон!

Один, кажется его тоже звали Генка, с красным небритым лицом, шагнул вперед, не давая Генке закрыть дверь.

— Ген, да ты не бойся, Гальяк стирает.

— Пошел к!.. — Генка, чтобы не прикасаться к дурно пахнущему соседу, плечом выжал его из квартиры и снова выругался. На всякий случай пошел вымыл руки.

По телевизору комментировали Послание президента, все говорили, что этот очень здорово — двести пятьдесят тысяч за новорожденного.

После завтрака Генка вышел... на улицу — нельзя сказать: всего два двухэтажных дома, напротив — сарай и трансформаторная будка. Во двор? Двора тоже не было. В общем, вышел он к своему сараю, где стоял «Опель-Астра», купленный еще до женитьбы. Машину нужно помыть, поменять масло, ну и так, вообще...

Два утрешних вышли из дома и подошли к Генке.

— Ген, а Ген... Вот, вместе с пледом возьми. Ботинки... Почти новые. Пятьдесят рублей за все. — Мутные глаза, руки дрожат.

— Слышь, ты, чмо, — усмехнулся Генка. — У меня плед стоит две тыщи, а ботинки твои мне хотя бы малы.

— Ген, а ты заднички срежь... Ген, а давай мы тебе машину помоем, а? Всего за пятьдесят рублей. Давай?..

— Давай ...дуй отсюда по холодку! Чтоб ты с такими руками к моей машине? Да ни в жисть!

— Ну Ген...

Пока Генка мыл машину, двое стояли и смотрели; один — с пледом в руках, другой — с коробкой. Чтобы отвлечься от них, Генка включил радио. «Но эти деньги нельзя будет истратить просто так, грубо говоря, проесть, — говорила дикторша хорошо поставленным голосом. — Они должны пойти на образование ребенка или на приобретение жилья».

— Слыхал, чмо? Иди рожай, двести пятьдесят тысяч дают.

— Так сказали ж, Ген, — не проеешь, а значит, и не пропьешь. Ха-ха!.. Купи вон... Пожалуйста.

— Давай жми отсюда, не воняй.

Двое отошли, но через пятнадцать минут появились снова. Увидев их, Генка распрямылся и поднял брови: они принесли и поставили у сарая снятую с петель входную квартирную дверь.

— Что это?!

— Ген, купи дверь. У тебя дверь в сарай совсем плохая, а эта ничего.

— Дурак, что зимой-то будешь делать?

— До зимы, Ген, дожить надо, а не похмелившись, не доживешь, Ген...

Генка засмеялся.

— Пойдем, дурак.

Навесив дверь в квартиру обратно, он зашел к себе, достал из холодильника початую бутылку водки и вынес бедолагам.

Когда в четыре часа он уезжал, они и их Галька сидели у подъезда пьяные.

— Буржуям почет! — проводили они его, встав со скамейки и приподняв кепки.

М-М-М-ДА!

Порода в женщинах так же важна, как и в лошадях.

Лермонтов

Суббота, вечер. В травматологическом отделении клинической больницы идет прием. Врач один, рентгенолог бегаёт из корпуса в корпус, не успевая нигде, и это страшно злит всю очередь, разговоры в которой «раньше было лучше» и «если б дать им денег, вот бы они забегали». Много покалеченных и пьяных, но есть и приличный народ.

Дверь в очередной раз открывается, и охранник выпускает в приемную тройцу, которая прекращает все разговоры в приемной уже хотя бы потому, что очень громко, на публику разговаривает.

— Нет и нет, Виталий, — говорит дама лет сорока, ведя под руку совсем еще молодую, очень высокую и стройную девушку изысканной красоты. — Инночка больше не сядет на эту лошадь, которую я просто ненавижу. Я вообще лошадей ненавижу.

— Мамулечка, — возражает ей Виталий, импозантный мужчина, сознающий, что он — глава семьи, — еще как сядет. Она любит лошадей, и верховая езда ей необходима. А переломы бывают у всех. Да, девочка?

— Конечно, — отвечает Инночка, — я очень люблю лошадей, и верховая езда необходима.

— Опять ты со своим престижем, Виталий, — говорит дама и кривит губки, которые у нее полны и ярко накрашены.

Из дальнейшей беседы выясняется, что Инночку в Битце сбросила лошадь и, по-видимому, у нее сломана ключица. Сюда, в травмпункт, ее привезла мамулечка, а глава семьи подъехал уже на своей машине. В разговоре мелькают «твой “Мерседес”», «мой “Опель”».

Внимание от них отвлекает появление нового пациента — сильно окровавленного пьяного бугая, затем еще кого-то привозят на носилках, затем еще. Прием продолжается...

— Следующий проходите! — зовет из-за двери кабинета медсестра, и Инночка небесной походкой, демонстрируя подиумные ножки, следует в кабинет.

— Да, — вздыхает немолодая женщина с переломом ноги, глядя вслед тройце, — кому же такая красота достанется?

— Да какому-нибудь козлу вроде меня, — отвечает хриплым злым голосом.

Через час с небольшим все перебинтованы, уколоты и ждут результатов рентгена. Инночка с сопровождающими уже не вызывает такого интереса, не стреляет глазками по сидящим в очереди, и разговаривают они тихо.

Наконец приходит рентгенолог, и врач Оксана Викторовна вызывает пациентов и рецензирует снимки. Очередь доходит до Инночки, и все трое заходят в кабинет.

— Ну, более-менее все в порядке, — слышится из-за двери голос врача.

— Что значит более-менее? — с напором спрашивает Виталий.

— Шина наложена хорошо, но, возможно, на месте перелома останется небольшой бугорок.

— Какой еще бугорок?!

— Его почти не будет заметно.

— Не понимаю! Это вы неправильно наложили шину и теперь девочка останется уродом?!

— Что вы, какой урод!

— А такой! Если вы никогда не носили декольте, то не знаете, что грудь и плечи должны быть безупречными. Переделывайте!

— Как это? — В голосе врача слышится смущение.

— Я вам заплачу, но это должно быть переделано!

— Подождите, папаша. Это же процедура не из приятных, пожалейте дочку!

— А она мне не дочка, а жена. А мне не нужна жена с изъяном!

В коридоре наступает гробовая тишина. Никто не шевелится и даже не переглядывается.

— Виталий... — вступает жалобно «мамулечка», но ее тут же перебивают.

— Помолчи, моя хорошая, не возникай!

— Но ты сошел с ума!

— Это не я сошел с ума, а ты, когда навязала мне свою дочь. Так что... Я сделал, как ты хотела, а теперь все будет по-моему.

— Гражданин, — говорит Оксана Викторовна, — вы меня задерживаете. Я ничего больше сделать для вас не могу.

— Можете, доктор, можете. Сколько?

— Да отстаньте вы от меня!

— Тогда я свяжусь с вашим главврачом. Вы плохо наложили гипс, моя хорошая, и к тому же что это еще за «отстаньте»?! Вот... вот и вот... — По-видимому, достает деньги. — Переделывайте.

Видно, сумма хороша, да и вина некоторая имеется, потому что Оксана Викторовна вздыхает и после паузы говорит:

— Пойдемте.

Все четверо выходят. Очередь не отрываясь смотрит на юную красавицу. Она чуть не плачет, не поднимает головы и как-то сразу перестала быть красавицей. Даже одежда, надетая на гипс, не кажется богатой и подобранной со вкусом. «Мамулечка» старается не смотреть по сторонам и, кажется, даже постарела. Группа скрывается в операционной.

— Да, — с превосходством произносит женщина со сломанной ногой, — бедная ты, бедная! — И уже с сожалением и насмешкой от души добавляет: — Коняшка!

В МОСКВЕ ТАКОГО НЕ БЫВАЕТ

Большой железнодорожный начальник Александр Павлович Лексин ехал с женой Эльвирой и детьми, Арнольдом и Симочкой, на восьмидесятилетие тетки Евстолии Петровны. Ввиду ноября и вообще дороговизны в вагоне СВ было пусто и тихо, и дети бегали с

криками по коридору свободно, а проводница Ниночка изредка заглядывала и стреляла глазами.

«Чего ты заглядываешь? — говорил ей мысленно Лексин. — Вот поеду один, тогда и заглядывай». Хотя, думал он дальше, не может она не заглядывать, так как наверняка знает, кого везет.

— Смотри, какая красота, Алик, — сказала ему Эльвира, когда поезд остановился на каком-то полустанке под крутой горой.

Из окна была видна вся эта крутая бело-розовая гора, освещенная вечерним солнцем, аккуратные домики по всей горе и поезд, обнимающий подножие.

— Да, красота, — ответил Лексин, вставая и пытаясь заглянуть за окно. — Красота-то красота, а вот почему мы здесь остановились? Вот что меня интересует!

— Да ну тебя, — сказала Эльвира. — Убей в себе железнодорожника. СЦБ, ШЧ — что это все такое? Я наслаждаюсь этим видом.

— Наслаждайся пока, а я пойду выясню. Здесь остановки нет. Что-то случилось.

Но ему не пришлось ничего выяснять.

Послышался встревоженный голос проводницы:

— Гражданин, вы куда? Эй, остановитесь!

— Да отпусти ты, я человека ищу.

Вслед за этим раздалось хлопанье открываемых и закрываемых дверей — кто-то проверял подряд все купе. Лексин выглянул в коридор.

— Сашка, здорово! — закричал его двоюродный брат Юрий, к матери которого он и ехал на юбилей. — А я смотрю — твой поезд идет. У меня тут начальник станции знакомый, я и говорю ему: «Ну-ка, Митяй, тормозни-ка вот этот паровоз, у меня там братуха едет, надо поздороваться».

— Да ты сам-то как здесь оказался?

— Да я ж в рейсе, домой возвращаюсь. Нас тормознули — тебя пропустить. А я думаю: «Дай, думаю...» Ну и вот. Здорово, Сашка!

— Здорово, Юрка. Но это ты зря, вечером увиделись бы.

— Элка, здорово! — кинулся Юрка обнимать невестку. — Он у тебя раньше такой не был.

— У меня он всегда был такой, — сказала Эльвира, быстро взглянув на мужа. — А какой он был раньше?

— Ну ладно, — обнимая ее и пытаясь другой рукой приобнять и брата, сказал Юрка, — я побежал. Ну, ты рад, Сашка, что я тебя так, а? Здорово, правда? Смешно, а? У вас в Москве небось такого не бывает.

— Смешно, — улыбнулся Лексин, — но беспорядок. У нас такого не бывает.

— Ладно! Вечером увидимся, — и, громко топая, Юрка убежал, задев в тамбуре перепуганную проводницу.

Из окна Александр Павлович и Эльвира видели, как он взобрался на стоящий на соседних путях локомотив и скрылся в кабине.

— Папа, а кто это был? — спросила Симочка, воздушное создание с пепельными кудряшками в ярко-зеленом комбинезоне. Они с братом из коридора наблюдали всю эту сцену.

— Это был террорист, — ответил восьмилетний Арнольд, — у-у-у! — Он схватил сестру за руку, и они, смеясь, побежали по коридору.

— Да, — сказал Лексин, — это интересно. А если бы в самом деле?..

— Да ну тебя, — отмахнулась жена, — мужик тебе приятное хотел сделать, а ты...

— Да, интересно.

Вечером было шумное застолье, героем которого наряду с именинницей был и ее сын. История остановки поезда обрастала новыми подробностями — как Юрка уговаривал начальника станции и какое лицо было у Сашки, когда он ворвался в его купе.

— Во как у нас, — говорил Володька, старший сын Евстолии Петровны. — Это тебе, Сашка, не Москва. Это там ты большой начальник, а тут мы начальники. Давай за это выпьем.

Выпили и за это, помянули деда с бабкой, вырастивших Сашку, когда его матери пришлось работать в две смены, а отец пил. Восхищались Сашкиными подарками любимой тетке — громадным павловопосадским платком и телевизором «Филипс», экран которого был чуть меньше платка. Потом пели «Вечерний звон», а Лексин играл на гитаре. Потом, уже за полночь, уложив детей, пошли к Юрке в Ямскую слободу добирать, где Володька пил из стакана горящий самогон и все плясали так, что маленький двухкомнатный домик ходил ходуном. Сашка всех обнимал, особенно Юркину жену, был вдупель пьян, всем доволен и тоже попробовал горящего самогона.

«В Москве такого не бывает, в Москве такого не найдешь» было рефреном сегодняшнего дня, и Лексин первый был с этим согласен.

Через неделю на работе Лексин вызвал секретаршу:

— Марина Юрьевна, узнайте, пожалуйста, кто начальник станции в К. и подготовьте приказ на увольнение в связи с нарушением производственной дисциплины. Начальником временно назначает-ся его зам. Тоже, кстати, узнайте, кто это.

— Каким числом приказ, Александр Павлович?

— Приказ — сегодняшним, а уволить... Пусть тоже будет сегодняшним.

ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ

I

— Дама, вам очень хорошо, очень идет, — говорила продавщица ювелирного отдела полной женщине с красноватым лицом, примерявшей гарнитур — золотые серьги и кольцо. — Просто позавидовать можно, какой у вас муж... По-моему, вы у нас не первый раз.

Завидный муж (худой, невысокого роста, кажется выпивши) стоял позади жены, держа в руке толстый кошелек.

— Да мы и другие магазины не забываем. Правда, моя хорошая?

— Правда-правда. Женщины на работе даже говорят: «Какой же у тебя Юрка! Не жалеет тебе ничего». Завидуют! Ну а уж от этого-то... — Женщина повернула голову и посмотрела на себя сбоку в зеркало. — От этого вообще сдохнут. Ну как, Юрасик, берем?

— Мамочка, а не дешево? Смотрятся как-то дешево. Вон посмотри там с зелененькими... Изумруды? — спросил он у продавщицы.

— Изумруды. Бразильские. Работа израильская.

— Не, не надо. А эти чьей работы?

— Те, которые примеряет ваша жена? Это «Бронницкий ювелир». Аметисты очень хорошего качества.

— Сколько?.. Что-то дешево, мамочка. Давай что-нибудь подороже.

— Юрасик, мне эти нравятся.

— Вам очень идет, — с надеждой сказала продавщица, явно надеясь сбыть товар.

— Не, — сказал Юрик, — Лариска твоя скажет: «Вон Галька булужники нацепила». Не, давайте те, которые евреи делали.

— Тридцать четыре тысячи, — сказала продавщица с предупреждением в голосе.

— Тридцать четыре, значит, тридцать четыре. Да, мамочка?

— Юр, мне вообще-то шуба нужна.

— Сейчас март, мамочка, к зиме что-нибудь придумаем.

— Юр, сейчас самые большие скидки на меха.

— Скидки? Ну скинем, мамочка, не бойся. Давай пока изумруды примеряй.

Женщина покраснела еще больше — от жары и от напряжения выбора. Серьги с изумрудами были изящны и совсем ей не подходили. Она, наверное, чувствовала это, но тридцать четыре тысячи — и бабы на работе сдохнут.

— Галюнчик, берем. Мне нравится. И Лариска твоя наверняка одобрит... Не-не, не снимай, так и пойдем, любоваться на тебя буду.

— Подождите, дама, подождите! Ценники прямо на вас срезать?

— Прямо на нас, — ответил Юрасик, отсчитывая названную сумму.

— Везет же некоторым, — сказала продавщица своей помощнице, глядя вслед ушедшей паре. — Ни кожи ни рожи, пальцы как сосиски, только в оранжевом жилете и работать — и такой Юрасик.

— Да ладно, — ответила помощница, женщина лет пятидесяти, — в каждом доме по кому. А может, он ей изменяет, а может, пьет или бьет. Не в деньгах счастье.

— Но все-таки в них что-то есть... Что вам показать? — обратилась продавщица к подошедшей девушке.

II

— Бабы, а скажите-ка мне, с кем это наш Юрасик Гальке рога наставляет? — спросила Лариска, придя утром на работу.

— С чего это вы взяли? — удивилась «набивальщица» Леночка.

— А я ее сейчас встретила в коридоре. На ней такие серьги — обобраться и не жить. Но ей — как корове седло.

— Ну и что?

— А, ты у нас новенькая!.. Ейный Юрасик, когда на кого глаз положит, тут же своей Гальке гарнитур золотой для отвлечения внимания.

— Ой, а она что?

— Она? Она ничего, не догадывается. Вот посмотришь, сейчас придет и скажет: «Девчонки, не завидуйте, такая любовь только в романах бывает».

— Так надо сказать ей!

— Зачем? А если б твой бы так, тебе каково бы было? Нет, лучше не знать.

— Но он же противный и изменяет.

— Много ты понимаешь. Противный! Судьба заставит сопатого любить. Это бабушка моя так говорила, — сказала Лариска и, мельком взглянув в висевшие сбоку зеркало, поправила сережку.

КУРКУЛИ

— Мам, ты не будешь ругаться?

— Что еще такое?

— У нас Олечка утонула.

Женщина бросила лопату и, тонко завизжав, бросилась с оголода.

У пруда мокрый по грудь их сосед Макарыч держал Олечку вверх ногами.

— Девочка моя!.. — заголосила мать и попыталась вырвать ребенка.

Но Макарыч локтем пихнул ее в грудь, так что та упала, и продолжал держать девочку, слегка встряхивая. Олечка дернулась, изо рта полилась вода, и она задыхалась. Тогда Макарыч положил ее на траву, расстегнул куртку и размотал платок, сбившийся на лицо. Мать сидела на земле и выла.

— Не вой, дура, — сказал Макарыч, — скажи спасибо, что покурить вышел.

— Спаси-и-ибо...

Прибежал отец Олечки, почему-то с ружьем, подошли сестренки, сообщившие о несчастье, начали собираться соседи.

— Возьми девочку, мать, неси домой, водкой разотри. Да и меня не забудь. Вода — лед! Мужики, закурить пока дайте...

Но сигарет ни у кого не оказалось.

— Во, видали деревню, — хмыкнул Макарыч, — все без сигарет, куркули. Когда ни спроси — нет ни у кого сигарет!

Олечкин отец сбегал в дом и принес две беломорины.

— Во, видали, мужики?! Я ему дочь спас, а он мне две папиросы. А пачку пожалел, чтобы с вами не делиться. Неси давай всю пачку и бутылку прихвати, деревня. И закусь не забудь.

Через полчаса счастливый спаситель, переодетый в сухое и в телогрейке, сидел на бревнах, угощая мужиков «Беломором» и водкой и рассказывал:

— Я, главное, вышел из дома — дай, думаю, по дорожке пройду, черемуху понюхаю. Слышу — девчонки галдят: «Олечка, хватай веточку, веточку хватай, плыви к берегу». Какой, думаю, к берегу? Май месяц. Ну и дернул. А не отойди от дома — не услышал бы, нет. Вот вы все в огороде были... что, не слышали?

— Нет, Макарыч.

— Деревня! А и слышали бы, не побежали бы. Не мое — пусть тонет.

— Да ладно тебе, не побежали бы!...

— Не ладно! А все вы куркули и куркули, и правильно вас Сталин раскулачивал. Я бы на его месте...

— Да ты сам-то, Макарыч, всего три года в городе.

— Я потому и в городе, что не куркуль. Вот — нате, курите, пейте!

— Чужую-то!

— Заработанную!

Мужики выпили, закусили кто огурцом, кто хлебом с чесноком, закурили, задумались.

— Да, куркули. Ты, Мишка, в прошлом году... моя наседка на твоём огороде цыплят высидела. Ты куда их дел? Продал? Поймал и продал. Почему мне не отдал? Жалко? Куркуль! Знал ведь, что все равно узнаю, а не отдал. Пей мою водку за мое здоровье и кури за мое здоровье. А ты, Ефимыч, когда я улы здесь поставил... Это ты всем говорил, что у меня мед балованный? Ты! У меня никто не покупал, пришлось на рынке стоять.

— Ну и постоял...

— Сейчас сидите со мной, пьете-курите на халяву, а когда я тебя, Зябля, попросил мне усадьбу вспахать... Это на колхозном-то тракторе!.. Сколько ты с меня запросил? Пятьсот рублей.

— Ты в городе зарабатываешь, а мне где взять? Только с тебя, — вздохнул Зябля, маленький тощий мужичок в валенках. В детстве он провалился в прорубь и простоял там целый час, с тех пор ноги все время мерзли.

— Ладно, пей. Сейчас на своем тракторе сгоняешь в лавочку. Сейчас деньги принесу.

Но Зябле не пришлось заводить трактор, стоящий тут же, у пруда, рядом с огромной поленницей. Мать спасенной утопленницы, видимо догадавшись, что мужики собираются ехать за добавкой, вынесла им бутылку ярко-желтого самогону.

— Ну что, Маринка, — спросил ее Макарыч, — как Оленька-то?

— Спасибо, Василий Макарыч, жива.

— Знаешь что, Маринка... Садись... Вот что... Скажи своему Юрке...

И спаситель припомнил, как Юрка обещал ему через своего дядьку в исполкоме добыть участок в городе под застройку, припомнил, как общий их забор он поправлял один, за свой счет, как Маринкины девочки стащили у его внучки австрийский свитер и спрятали в дупле, как сама Маринка называла его жену такими словами... Хотя это нужно еще разобраться, кто она сама-то, и так далее и так далее.

Стало смеркаться, сильнее запахло мокрой землей, подгнившей поленницей. Макарыч все говорил, мужики курили, изредка возражая, а Маринка умиленно смотрела на него и кивала, кивала, кивала не слушая — пусть говорит, сегодня ему все можно.

СЫН ПО МАТЕРИ

Я сидел дома за письменным столом и злился: сегодня, когда я принес в «Дум-дум» три свои рассказа, редактор Оглотков сказал мне: «А ты, Мишенёв, что-то совсем утратил чувство юмора, читатель тебя не поймет. Вот смотри, какой рассказ Бойцов про гирию написал. Прямо как Чехов — на любую тему смешно». И он дал мне последний номер журнала. Рассказ про гирию был смешон, то есть был жалок до смешного, и сейчас я пытался накропать на него пар-

дию. Но злость — плохой слуга вдохновения, и я сидел и так, вообще, думал о Бойцове, об Оглоткове и о синице за окном, завидуя и не веря Чехову, который говорил, что смешно может написать обо всем, хоть вот об этой пепельнице.

Хлопнула входная дверь — это пришел мой сын Володька, поехавший вчера в общежитие списать лабораторную к сегодняшнему зачету. Он по-тихому двинул к себе в комнату, но я окликнул:

— Вовка, иди сюда... Иди-иди, хочу спросить тебя совсем не о том, о чем ты думаешь.

Каждому пишущему знакомо такое состояние, когда два-три слова, сказанные невпопад даже посторонним человеком, настолько меняют ход мыслей, что это просто сродни обновлению крови, поэтому я спросил сына, не обращая внимания на его помятый вид:

— Скажи мне прямо с ходу, что ты думаешь о гире? Какие ассоциации у тебя связаны с гирей?

— С гирей? С гирей у меня связано ощущение, что я вам с мамой обуза и не надо меня откупать от армии.

— Ну, это само собой. А что бы ты написал о гире в ответ на это? — И я дал сыну журнал с «Гирей». — Иди отсыпайся, но чтобы к утру что-нибудь написал... Да, и с таким перегаром лучше сразу ложись и свет не включай, пока мама спать не ляжет. Лабораторную-то сдал?

— Как будто.

Я не стал уточнять смысл этого «как будто» и пошел на кухню ждать с работы жену, то есть готовить ужин. Вечер у нас прошел тихо, но я иногда усмехался про себя: накорябает что-нибудь этот стервец и вообще интересно, как у него со слогом. Но результат, как говорится, превзошел все и всяческие мои ожидания.

Когда утром я встал, как всегда последний, когда никого уже не было дома, на клавиатуре моего компьютера лежало несколько исписанных страниц, в верхнем углу первой стояло: «Сам от-

печатаешь, если надо будет». Рассказ назывался «Каша из гири». Вот он.

Папа, ты наверное, помнишь анекдот, когда в купе заходит пассажир и видит деревенского мужика и мешок в углу, а в купе стоит дикая вонь. Пассажир интересуется: чего это за запах? И мужик долго, с подробностями рассказывает про какой-то полтергейст у него в коровнике: шум, ржание, какие-то взрывы, коровник ходуним. В общем, он не выдержал, корову зарезал и вот везет продавать. А воняет это у него от носков. Смешно, правда?

Так вот. Вчера, как ты знаешь, я поехал в общагу списать лабораторную. Захожу к ребятам, а там запашище — что твой мужик! На столе стоит огромная полная колба, два пакета молока, огурцы, хлеб, чего-то еще, стаканы одноразовые. В общем, ты понимаешь...

— Чего это так воняет? — спрашиваю.

— Садись, Вовка, — говорит Серега, — садись, разбавляй по вкусу. Это изопропиловый.

Чтоб ты не беспокоился, пап, изопропиловый — это единственный, кроме этилового, неядовитый спирт, так что, если будут предлагать, не бойся, пей. Только пей сразу всю дозу, второй раз не полезет, молоком надо запивать.

— Какой же тут вкус? — говорю.

— Все равно, — говорят, — садись догоняй.

— А чего это, — говорю, — такие мрачные?

— Да к Ваньке вон мать завтра приезжает, вот он с горя представляется.

— Вы бы лучше убрались с горя в комнате. Моя бы мать с такого горя, — я комнату широко так рукой обвел, — моя бы мать просто окочурилась.

В общем, через час комната у нас выглядела идеально, но колба опустела.

— Ванька, — сказал Серега, — а ты хоть понимаешь, что с тебя приходится?

Когда Ванька пришел из магазина, нас в комнате было уже пятеро, и бутылка опустела с одного раза. В воздухе повисло ожидание.

— Я больше не пойду, — сказал Ванька.

— Ладно, — вздохнул Димка, — у меня под кроватью еще изопропиловый в банке.

Пап, ты, конечно, представляешь, как я, согласно твоему выражению, нахалемонился. Какая тут, к едрене Матрене, лабораторная. Не сдал я ее, конечно.

Просыпаюсь утром — женский голос с напором таким говорит что-то. Лягуха-муха (опять-таки согласно твоему выражению), думаю! Это ж мадам Бриль, комендантша. Я — с головой под одеяло. А перегар-то, перегар от изопропилового!..

— Последний раз спрашиваю, — говорит мадам Бриль, — кто этот молодой человек и как он здесь оказался?! — Это на меня.

А кровать это была Ванькина, поэтому я и говорю:

— А я Ванин брат.

— Что?!!

Тут она сдергивает с меня одеяло — а это вовсе не мадам Бриль, это Ванькина мать с сумкой и с чемоданом.

— Какой еще брат? — говорит. — У Вани нет брата.

— А я по отцу.

— Это по какому отцу? У меня, между прочим, было три мужа! Но я уже пришел в себя.

— Знаете что, тетенька, — говорю, — ну вас к черту, и без вас голова раскалывается, а еще лабораторную сдавать. А ваш Ванька небось в соседней комнате...

Я хотел добавить «с Ленкой спит», но, думаю, сама сейчас увидит, да и нехорошо выдавать. «По какому отцу, по какому отцу!..»

Так вот, папа, теперь ты можешь меня спросить, почему я начал это художественное произведение с рассказа о носках. Объяснения: гиря — это твой дурак редактор, что печатает такое гэ. Да и

ты тоже, извиняюсь, не очень умный, что повелся и разозлился, когда столько интересного вокруг, лабораторная не сдана и сын пьяница.

Твой навеки сын по матери Владимир.

ЗАЧЕТ ПО-АЛБАНСКИ

Валентин Иванович Разнов, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка в педагогическом институте, собираясь утром на работу — экзаменовать студюзов, как он говорил, — зашел за справочником в комнату дочери-студентки и, проходя мимо включенного компьютера, бросил взгляд на монитор.

В окошке переписки стояло: «Настя, превед! Мы сиводня сабираимси у Толега. Посли зачота приижжай».

— Черт-те что! — сказал вслух Валентин Иванович, забыв, зачем пришел.

— А подглядывать нехорошо! — сказала дочь, войдя и увидев отца у компьютера. — И еще ругаться!

— Ну как можно так писать!

— А, не обращай внимания, сейчас такая мода. Называется албанский язык, или язык подонков.

— То-то что подонков. «Превед», «зачот», «приижжай»... Тьфу!

— Постой, я тебе сейчас такое покажу!..

Дочь щелкнула мышкой, и на мониторе появился Мавзолей Ленина, на котором вместо «Ленин» стояло: «Мавзолейчег».

— Тьфу! — опять сказал Разнов, хотя шутка ему понравилась. — Тьфу!

— Папочка, ты жжошь! — засмеялась дочь. — «Жжошь» через «о».

— Ладно, если едешь со мной — бегом. Мне опаздывать нельзя.

— Бедненький! Езжай один. Мне еще нужно почитать кое-что к зачо-о-оту! — нарочно протянула она «о-о-о» и опять засмеялась.

К русскому языку Валентин Иванович относился очень серьезно, а в последнее время, натываясь на ошибки даже у классиков и повсюду слыша неправильные ударения, по-настоящему страдал. Жене и дочери он запрещал читать книги, изданные в постперестроечное время, и, если находил таковые у себя дома, выбрасывал их, даже не пролистав.

«Настя, ты же будущий педагог! Как ты можешь говорить “я пришла с института”?! Ты что, с него слезла или ты хохлушка?» — «А ты, папочка, шовинист. При чем тут хохлы?» Такие разговоры происходили часто, но сегодня, увидев, а не просто услышав, что делается с великим и могучим, он почувствовал раздражение от своего бессилия. Эти «превед» и «зачот» совсем не давали ему покоя, так что он зазевался, не успев проскочить на зеленый и совсем разозлился.

«Да что это я? — думал он, стоя перед светофором. — Мы же тоже молодые говорили “ништяк”, “нехило”, матерились... Да, но писали-то правильно». Потом он вспомнил про реформу русского языка, затевавшуюся в 60-х годах, когда собирались отменить все сдвоенные согласные и вообще писать так, как слышится. Он тогда был мальчишкой и радовался, но на него большое впечатление произвели слова отца. «Конечно, — сказал тот, откладывая в сторону “Известия” с предполагаемыми правилами. — Даже в нашем развитии социалистическом обществе, где деньги, как обещается, скоро отменят, все-таки приятнее, если человек приходит к тебе с суммой, а не с сумой».

«В принципе сейчас молодежь проводит эту реформу де-факто. И на хрена им, в самом деле, русский язык, если такая веселуха вокруг?»

Тут он окончательно разозлился на себя за «веселуху» и к институту подкатил исключительно в бойцовском настроении, а к аудитории подошел прямо зверем. «Я им сейчас покажу “превед” и “зачот”».

— Ну, кто первый? Заходите пять человек.

Валентин Иванович искренне не понимал, что можно списать по русскому языку, это равносильно списыванию английского, немецкого и др. Студенты это знали и старались не попадаться, поэтому он с тяжелым вздохом остановился около симпатичной брюнетки и протянул руку — та вытащила из стола шпаргалку, отдала ему и пошла к выходу.

— Постойте, — сказал Разнов, — идите сюда. Если ответите сейчас без подготовки, получите зачет. В любом случае давайте зачетку.

Девушка протянула серенькую книжечку.

— Не-а, не отвечу.

— Ну что ж... — Разнов расписался в ведомости, потом в зачетке и протянул ее студентке. — Ну что ж, Делихова Марина Сергеевна, придете в следующий раз. Приятно будет с вами побеседовать.

«Действительно приятно, — подумал он. — Девчонка хороша».

«Девчонка» мельком, на всякий случай, взглянула в зачетку да так и застыла на месте.

— Что еще? — спросил Разнов. — Я же сказал, придете в следующий раз.

Студентка улыбнулась и протянула ему книжечку — в графе «Отметка» стояло крупными разборчивыми буквами: «Незачот». Разнов подержал ее, всматриваясь, положил на стол, повертел в руке ручку и заштриховал законное «не». Потом расписался еще раз, улыбнулся сказал:

— Бывает!..

ВЫНУДИЛИ

— Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесет, — сказал я, встречая первого из гостей: сегодня группа напросилась ко мне в гости, так как я проболтался, что родители в отпуске.

— Ну уж и не одну, — сказала Людка, — а закуска?

— От закуски голова болит.

— Эй, Витек, не закрывай, — раздалось из лифта, — мы уже приехали.

— Сколько вас?

— Пять.

— А бутылок сколько?

— Пять.

— Такие же дураки, как и Людка.

— А мы не пить приехали!

— А чего ж?

— Соскучились.

— Еще кто-нибудь соскучился?

— Еще двое.

— Где они?

— В магазине.

Я позвонил им в магазин и сказал, чтобы брали всего по две, но они отказались, сказали, что все равно два раза бежать.

...Из второго похода в магазин они кроме водки принесли еще и раков. Ленька вывалил их на пол и сказал:

— Видите, они пушистые, как космонавты, и ползут к вам в гости. Ха-ха-ха!

— Так, — сказал Кирка, — Ленчик уже накурился, ему не наливаем, самим мало.

Музыка орала, и все танцевали, но, увидев раков, Ирка, Шурик и Петруха пошли за пивом.

Сидя перед горой красных раков с банкой пива, Шурик сказал:

— Счастье — это когда не надо врать, что тебе хорошо.

В одиннадцать все было выпито и деньги кончились, у нас, у мужского пола. Ирка, Кирка и Людок скинулись — Ленька сбежал.

...Я очнулся от непрекращающегося звонка в дверь, которого, кроме меня, никто не слышал. На пороге, держась двумя пальцами за седую голову, стояла моя любимая соседка Айна Павловна: она когда-то была корректором в «Известиях», и я бегал к ней с русским языком.

— Витенька, — по губам догадался я, — я хочу спать...

— Дык... — ответил я, кивнув на открытую комнату, где орала музыка, визжали девчонки и Шурик пытался встать на мостик.

— Выключите музыку, я умоляю!

— Не могу. Не дадут.

— Мне — дадут.

— Попробуйте.

Айна Павловна, тряхнув головой и опять взявшись за нее двумя пальцами, слегка набывчившись, прошла мимо меня в комнату и остановилась над Шуриком. Тот от неожиданности упал и остался лежать.

Она дернула за руку Кирку и Ленчика — те остановились, непонимающе глядя на нее. Она показала на колонки, стоящие на полу, — Ленчик добрался до компьютера и вырубил звук.

Тишина поразила всех как громом, как несчастьем. Все замерли где стояли.

Айна Павловна сделала шаг в центр и, прижав и вторую руку к голове, произнесла:

— Товарищи, ребята... господа! Если вы немедленно не прекратите...

— Ну вот, кто ее впустил?

— Я еще раз прошу...

— Нет, ну это прикольно. Полежать спокойно не дадут, — приподнялся на локте Шурик. — Хотите раков?

Он сдернул одного со стола и попытался зацепить его за подол Айны Павловны. Та в ужасе сделала шаг назад.

— Витенька, — сказала Ирка, — это что, твоя мама? Значит, мне нельзя у тебя остаться?

— Ну нет, в такой тишине не жизнь! — сказала Людок и шагнула к компу.

— Нет! — воскликнула Айна Павловна. — Нет! Прошу вас меня выслушать!

— Ты, Витек, нешто опупырился, посторонних впускаешь? — сказал Ленчик. — Врубай музон, ребята!

— Цыц! — сказал я и топнул ногой, потом погрозил Ленчику и Кирке кулаком. — Целуйтесь дальше. Не ваше дело, кого пускаю. Говорите, Айна Павловна.

— Афигеть, дайте две! — повалился обратно Шурик и заржал.

— Говорите, Айна Павловна, — сказал я.

— Господа, — начала она сначала, — я приняла таблетку снотворного и очень хочу спать.

— Хочешь быть счастливым — будь им! — процитировал Ленчик.

— Теперь ты цыц! — сказал я. — Говорите, Айна Павловна.

— Так вот, если вы немедленно не прекратите, я буду вынуждена...

— Телефон милиции ноль-два, — сказал Виталик.

— Цыц, я сказал! Говорите, Айна Павловна.

— Я буду вынуждена... вынуждена... ах!.. вынуждена принять вторую таблетку снотворного. — Она повернулась и вышла из квартиры.

Шурик встал, отряхнулся и пошел в ванную. Кирка отпихнула Ленчика и надула губы. Виталик подошел к компу и забарабанил по нему пальцами. Людок полезла в сумочку и достала пудреницу. Ирка подошла ко мне и сказала:

— Извини...

Через пятнадцать минут квартира была пуста.

ЗДРАВСТВУЙ, НОВЫЙ ГОД!

Стояла страшная жара, и, наверное, поэтому у меня полетел компьютер. Мой Мишка (жених — не жених, так!) — компьютерщик, но сейчас был на даче с матерью, а у меня была срочная дежурная работа, и я вызвала мастера.

Молодой, высокий, красивый мастер, от одного взгляда на которого дух захватывало, приехал в разгар жары, в четыре часа.

Пройдя к компьютеру, он оглянулся на меня и двусмысленно усмехнулся, подмигнув.

«Черт! — подумала я. — Сейчас клеиться будет. Надо было бы соседку позвать».

— Вам что-нибудь нужно от меня? — спросила я.

— Мне — нет, а вам от меня?

— Что за идиотизм?! Конечно, нужно. Зачем же я вас вызывала?

— Да черт вас знает!

— Что это значит? Вы вообще к кому пришли?

— По заявке. К Лемневой Ирине Викторовне.

— Да, правильно. А вы-то кто?

— А меня зовут Максим, фамилия Елегаев. Познакомились, значит.

— Да не собираюсь я с вами знакомиться! Кто вы такой вообще?!

— А говорите, не собираетесь.

— Делайте ваше дело и уходите.

— Да ладно. Сейчас компьютер посмотрю и поговорим.

— О чем?

— Ну...

— Знаете что, я вас уже боюсь. Проваливайте, ну вас к богу в рай, а то сейчас заору.

— Не надо орать. Сейчас посмотрю ваш агрегат и уйду.

Все это время Максим смотрел мне прямо в глаза и только что не чмокал губами от удовольствия. Я и впрямь испугалась.

— Дайте мне, пожалуйста, ваши документы.

— Вот с этого и надо было начинать. — Он расстегнул барсетку и протянул мне права — Елегаев Максим Евгеньевич — и визитку фирма «Стрела» — Елегаев М. Е.

— Так, я на кухне, если что надо, скажете.

— Да едва ли, у меня все с собой. Что с компьютером-то?

Я объяснила и, повернувшись выйти, услышала:

— Ну и дела!..

«Да что такое? Может, я испачкалась?»

Посмотрела в кухонное зеркало — нет, ничего, все в порядке. Может, мы знакомы и я его не узнаю? Нет, не знакомы. Понравиться с первого взгляда такому красавчику я тоже не могла, не тот экстерьер. Ну загадка! Ну держите меня семеро!

Жара стала невыносимой, к тому же у меня последний этаж и юго-западная сторона. Я налила в стаканы соку, бросила по ледышке и понесла в комнату. Услышав меня, Максим оторвался от монитора.

— Спасибо. Такая чудная вещь из рук такой... м-м-м... красотки. Давно так не наслаждался... Комп в порядке. Сейчас все на место поставлю. М-м-м... красотка!

— Слушайте, вы в своем уме?

— Я абсолютно адекватен.

— Тогда в чем дело?

— Вы мне ужасно понравились. Я такой... м-м-м... никогда не видел, Ирочка...

— Я вам не Ирочка, елки-палки! Я серьезный человек, я кандидат наук! Неужели я произвожу впечатление какой-то потаскушки, которой можно говорить «м-м-м» и «красотка»?

— Да нет, не производите.

— Ну слава богу. Сколько я вам должна?

— Нисколько, я работал за ваши прекрасные... м-м-м... глаза.

— В общем, так. Проваливайте, а я позвоню на фирму и с ней расплачусь.

— До скорого! — опять усмехнулся он и ушел.

Я закрывала за ним дверь и оглянулась на свое отражение в зеркале...

О ужас! О проклятая жара! — мой фартук, красивый, глазастый фартук, привезенный мне подругой из Италии, завязанный сзади безупречно красивым бантом, похожим на турнюр, — этот фартук был надет прямо на голое тело, а застегивался он только на две ярко-розовые кнопочки по бокам, и не заметить этого было не-

возможно. Я швырнула его на пол, постояла, подумала и заплакала. Так горько я плакала только в раннем детстве, когда противные взрослые не слушают тебя, а только смеются. И, наверное, я не плакала бы так горько, если б Максим не был так хорош собой. «Позвоню на фирму!» Дура!

Работать я, конечно, не смогла и в утешение поставила своего любимого Жванецкого, но, услышав: «Что внешность человеческая? Ничто! Главное — ум!», со злостью выключила и налила себе пятьдесят грамм.

Суббота. Жара. В Москве ни души, даже в «аське» пусто. Я плеснула еще пятьдесят и расхохоталась: будет, что вспомнить в старости.

Часов в девять стало попрохладней, и я села работать, усмехаясь про себя и мысленно подбирая слова для рассказа друзьям: «Я оборачиваюсь и вижу свою голую жэ, украшенную бантом. “Ну, здравствуй, — говорю себе, — ж..а Новый год! Ха-ха-ха!”».

Дзинь! — это брякнул домофон.

— Кто? — подошла я.

— Ирина Викторовна, это Максим. Я утром у вас был. Разрешите подняться?

— Поднимайтесь. Вот только штаны надену.

— Ха-ха-ха!

В общем, когда Мишка приехал с дачи, его (Мишки) у меня уже не было, а под Новый год мы с Максимом поженились.

СЛИВКИ ОБЩЕСТВА

Нас было пятнадцать человек. Мы сидели и разгадывали кроссворд.

— «Трудовое или учебное сообщество», — прочитал я, — из девяти букв.

— А у нас какое?

— Учебное, наверное.

— Пиши «коллектив».

— Богатюк, вопрос к тебе: «Поэт-певец на Украине».

— Ну кобзарь...

— Не нукай, хутор, не запряг. Дальше. «Воздушный хулиган, приземлившийся на Красной площади». Мельчаков, ты в Кремле работаешь, отвечай давай.

— Руст, кажется.

— Точно. Дальше пошли. «Старинный гужевой транспорт в Европе».

— Это у Апайкина надо спросить, — сказал мой сосед Кочемаров, — у него и «Мерседес», и «Альфа-Ромео», и еще что-то, кажется...

— Апайкин, слышал, чего спрашивали?

— Не знаю, — откликнулся Апайкин, — я по гужевому не спец, это к Сторожкову, он в Битце подвизается.

— Сторожков!..

— Точно не знаю, друзья, ну попробуйте омнибус или дилижанс.

— Омнибус, подошло. «Знаменитая соната Бетховена № 14». Крицкий, вы же у нас консерваторию окончили.

— Господа, чтобы знать о существовании «Лунной» сонаты Бетховена, консерватория не обязательна.

— Пишем «Лунная». «Русский хирург, основатель школы сестер милосердия». Марк Григорьевич, вы хоть и стоматолог, но с историей медицины должны быть знакомы.

— Пирогов.

— Точно. «Новая валюта Старого Света». Ну, мне как владельцу сети обменных пунктов валюты было бы стыдно не знать. Да и вообще... Пишем «евро». «Любимая улица Булата Окуджавы». Легкий какой-то кроссворд. Неинтересно даже. Вот, нашел! «Одна из книг Нового Завета, содержащая пророчество о конце света». Отец Евмений, восчувствуйте и возгласите.

— Это Апокалипсис, сын мой.

— Слово-то какое страшное! А он в самом деле наступит, этот ваш конец света? Вы же обещали нам его в 2000-м! Опять народ обманули, святой отец?

— Не вам говорить, не мне слушать, сын мой. И вообще я сейчас на расположен к богословию.

— Правильно, дальше пошли. «Священная война мусульман против иноверцев». Видите, отец Евмений, хочешь не хочешь... Хазипов, как у вас там в Казани, собираются с нами воевать или нет?

— Зачем воевать! Наш Шаймиев с вашим Путиным договорился, никакой войны не будет.

— Нет, ну вы видели! Шаймиев — их, а Путин — наш! Путин общий, ты понял?

— Вы, Владимир Иванович, в самом деле, не затевайте тут диспутов, нам их и так хватает. А священная война называется газават.

— Не подходит.

— Тогда джихад.

— Написал. Вот еще вопрос, кончается на «т»: «Снасть для управления парусом». Кто знает?

— Это шкот, господа.

— Точно. У вас, Юрре, наверно, и яхта имеется?

— Яхты нет, а скутерок имеется. К тому же мой дед ходил в кругосветку на «Товарище», много рассказывал. Да я и сам в детстве всего Джека Лондона перечитал.

— Посмотреть бы на ваш скутерок... Вот еще сложный: «Американский Байконур». Они ничего не путают? Байконур же в Казахстане!

— Они не путают, Владимир Иванович. Имеется в виду американский аналог Байконура. Это Канаверал.

— Прости, Завинягин, я забыл, что у тебя магазин в Звездном городке.

— Ну, не магазин, так... лавочка...

— Не прибедняйся, не в налоговой... Так... А вот, господа! Кто автор строк: «Три дня мы были в перестрелке. Что толку в этойкой безделке? Мы ждали третий день».

— Ну ты смотри, в натуре прямо как у нас на стрелке! — раздался голос из угла. Это был Лупанов. — Еле выжил тогда: два огнестрельных, одно осколочное.

— Нам это неинтересно. Автора знаешь?

— Это кто в меня стрелял?

— Все ясно. Не знаешь.

— Товарищи, это Лермонтов.

— Ты где это тут товарищей нашел?! А, это вы, полковник... Кстати, товарищ полковник. «В начале Отечественной войны начальник Генерального штаба».

— Шапошников.

— Я это знал, но хотел вам дать возможность блеснуть... А вот вопрос для нашего уважаемого тренера...

Но в это время раздался лязг открываемого окошечка-кормушки — мы все повернули головы: у нас в Краснопресненской пересыльной тюрьме шла раздача ужина.

Владимир Славущев
В Москве такого не бывает

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*
Редактор *Н. Саркитов*
Художественный редактор *Е. Поляков*
Корректор *И. Яковенко*
Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.
Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Тираж 48 000 экз. Заказ № 0808940.

ТЕРРА—Книжный клуб.
127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.